

Возставая противъ Церкви, онъ долженъ былъ возстать *противъ самого себя*, призвать на помощь имъ же осмѣянный пфулевскій умъ, а дядю Ерошку сковать Нехлюдовымъ. Жизнь Толстого съ конца 70-хъ годовъ,—это непрерывное духовное самоубійство, постоянная плѣнность его орлинаго духа добровольно надѣтыми путами. Онъ отвергъ Церковь, и Россія потеряла художника несравненной силы. Но Церковь онъ не только отвергъ; онъ больно ушибся объ нее, и всю жизнь у него болѣло ушибленное мѣсто и онъ съ неразуміемъ истиннаго ребенка *близъ ушибившее мѣсто*. Болѣе тридцати лѣтъ онъ пишетъ все объ одномъ,—о недостаткахъ церковнаго ученія; все разрушаетъ и разрушаетъ и никакъ разрушить не можетъ. И духовная трагедія этой жизни закончилась скорбной смертью. Духъ Толстого готовъ былъ разбить свой добровольный плѣнь, сдѣлалъ нѣсколько величественныхъ орлиныхъ взлетовъ — и изнемогъ... То, что онъ культивировалъ въ себѣ, уже успѣло отложиться *во вѣтъ*, и когда онъ въ предсмертномъ порывѣ готовъ былъ освободиться отъ Нехлюдовщины внутренней, его сковала и окружала Нехлюдовщина вѣшняя, и онъ умеръ непримиренный ни съ русскимъ народомъ, ни съ православной Церковью, ни съ художественной стихіей, въ которой благодатью Природы былъ призванъ творить и учить.

Этотъ предсмертный порывъ не только прекрасенъ. Онъ внутренно зачеркиваетъ все Нехлюдовское въ Толстомъ. Онъ показываетъ, что во внутренней и трагической борьбѣ двухъ стихій Толстой въ послѣдній моментъ уже готовъ былъ сказать великое. Да тому, съ чѣмъ Нехлюдовъ враждовалъ, и во всякомъ случаѣ рѣшительно сказалъ Нѣтъ тридцатилѣтней Нехлюдовщинѣ своей жизни.

Много великаго написалъ Толстой, и много дурного и кощунственнаго. Будемъ же свято и ревниво помнить его истинныя и богатыя приношенія русскому народу, а къ его кощунствамъ отнесемъ такъ, какъ отнеслась странница къ Нехлюдовскимъ насмѣшкамъ Пьера Безухова надъ вѣрой народа.

„Отецъ, отецъ, грѣхъ тебѣ, у тебя сынъ,—заговорила она вдругъ, переходя въ яркую краску.—Отецъ, что ты сказалъ такое, Богъ тебя прости.—Она перекрестилась:—Господи, прости его“... Когда же Пьеръ, искренно смутившись, робко сталъ извиняться, странница Пелагеюшка, которая ужъ собралась-было уходить, остано-